

ЧЕРНОГОРЦЫ в РОССИИ

Коллектив авторов
Черногорцы в России

«Индрик»

2011

УДК 94(497.1)
ББК 63.3(0)5/6

Коллектив авторов

Черногорцы в России / Коллектив авторов — «Индрик», 2011

ISBN 978-5-91674-156-8

В 2011 году Россия и Черногория отмечают знаменательную дату – трехсотлетие установления прямых межгосударственных отношений. Это событие произошло в эпоху царя Петра I и митрополита Данилы, когда общность русских и черногорских интересов в борьбе против Османской Турции вывела на качественно новый уровень связи двух братских славянских народов. За прошедшие с того времени века отношения двух стран пережили целый ряд драматичных перемен и поворотов – от борьбы с общими врагами к взаимным обидам и разочарованиям, и в обратную сторону. Однако народы двух стран неизменно связывали чувства братской любви и искренней симпатии. Книга «Черногорцы в России» представляет собой сборник научных статей российских и черногорских исследователей, в которых рассматриваются практически все значимые страницы истории российско-черногорских связей за последние триста лет. Особое внимание уделяется истории черногорцев в России – представителей царственных домов, духовенства, военных и моряков, мужчин и женщин, людей выдающихся и обыкновенных. Сборник предназначен как для специалистов-историков, так и для всех интересующихся страницами прошлого российско-черногорских отношений.

УДК 94(497.1)

ББК 63.3(0)5/6

ISBN 978-5-91674-156-8

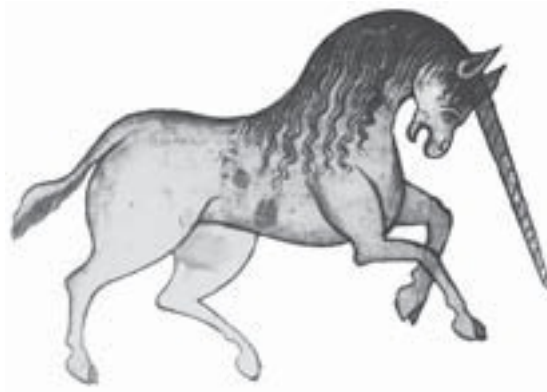
© Коллектив авторов, 2011

© Индик, 2011

Содержание

Россия и Черногория: 300 лет навстречу	7
Первые официальные визиты черногорцев к российскому двору: миссия владыки Данилы в 1715 г.	10
Бока Которская и Россия [1]	24
Черногорский митрополит Василий Петрович и Россия	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Черногорцы в России

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук К.В. Никифоров (ответственный редактор),
доктор исторических наук С.И. Данченко,
кандидат исторических наук В.Б. Каширин,
Н.Г. Струнина

Рецензенты:

кандидат исторических наук П.А. Искендеров
кандидат исторических наук Л.В. Кузьмичева

Россия и Черногория: 300 лет навстречу

Р. Распопович

Как и многое в России, российско-черногорские связи ведут свое начало от Петра Алексеевича. В Боку Которскую на Адриатическое побережье были посланы обучаться мореходству у местного населения будущие командиры строящегося русского флота. Тогда же на русской военной службе появились и уроженцы югославянских областей, включая и Черногорию. Активная внешняя политика Петра I требовала поиска союзников. И жившие в стратегически важном регионе «вольные люди», которые к тому же были «веры христианской, языка славянского», не могли не привлечь взгляды русских дипломатов.

С тех самых пор причудливым образом сложился теснейший союз двух народов, союз, который напоминал скорее родственные отношения. Не так уж легко найти в истории подобные примеры. Что же влекло навстречу друг другу равнинный северный народ и южных горцев, огромную империю и затерянное в горах небольшое племенное образование? Конечно, было совпадение интересов: стремление России к Проливам и борьба черногорцев за независимость.

Однако одними интересами невозможно объяснить столь сильное влечение друг к другу двух столь разнопорядковых величин. В основе этого непреодолимого встречного движения русских и черногорцев был не только голый расчет. Неправильно, на наш взгляд, вслед за некоторыми современными политиками представлять дело так, что времена бескорыстной любви давно прошли и речь должна идти лишь о прагматических связях. Это не только крайне узкий взгляд на существо российско-черногорских отношений, но и попытка поломать генетический код двух народов.

«Мы хотим к русским, а русские к нам, с Божьей помощью приблизиться, чтобы не быть друг от друга столь далеко», – заявил в те далекие годы на скупщине глав черногорских племен владыка Данило¹. И это были не просто слова. Именно тогда начался путь двух народов навстречу друг другу.

Зажатой со всех сторон мощными врагами, оторванной даже от Сербии и основной массы сербского народа, крошечной Черногории придавало силы и стойкости наличие (пусть и где-то бесконечно далеко) великой одноплеменной и единой державы. В данном случае удаленность друг от друга только способствовала идеализации образа «майки Руси». У черногорцев возник даже своеобразный культ России, а любовь к ней стала частью национального самосознания. Недаром в Черногории до сих пор так популярна присказка: «Нас и русских – 200 миллионов». Ее обязательно расскажет гостю из России первый же встречный.

Параллельно и Россия, по мере лучшего узнавания малых славянских народов, начинала ощущать своей обязанностью заботиться о них и прежде всего – о славянах православных. На фоне других черногорцы смотрелись наиболее ярко, с особенным первозданным колоритом. Совсем не на пустом месте в России развивался и креп романтический образ этой «православной Спарты». Каждый раз без лишних раздумий черногорцы по призыву России героически вступали в войну с Турецкой империей и другими могучими неприятелями. Русских не могли не восхищать их удаль, бесстрашие и самоотверженность. Участники совместных с черногорцами сражений в начале XIX в. вспоминали, что французы мгновенно разбежались, услышав ужасающий «дикий вой», с которым черногорцы шли в атаку, и увидев висящие у них за плечами отрубленные головы врагов.

Можно сказать, что Россия оказалась на высоте выпавшей ей большой любви небольшого народа. Никакие недоразумения, возникавшие иногда между представителями двух стран, не могли помешать главному. Фактически Черногория была взята на содержание русским двором, а потом правящие династии двух государств даже породнились. Широко известен тост, произ-

несенный Александром III в честь черногорского князя Николы: «Пью за здоровье князя черногорского, единственного искреннего и верного друга России». Это, конечно, дорогого стоит.

В этот же период, с 1879 по 1906 г. (с некоторыми перерывами), в Черногории жил Павел Аполлонович Ровинский². Он оставил уникальный трехтомный (в четырех книгах) труд «Черногория в ее прошлом и настоящем»³. Лучше о Черногории никто не написал. До и после Ровинского свои стихи посвятили Черногории два, возможно, самых любимых русских поэта – Александр Сергеевич Пушкин и Владимир Семенович Высоцкий.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. в российскую миссию в Цетинье поступало много заявлений от черногорцев и герцеговинцев с просьбой направить их в действующую русскую армию. Ее успехи и неудачи простые черногорцы воспринимали как свои собственные, спрашивали у русских представителей: «Что делают наши в Маньчжурии?... Как наши в Порт-Артуре?»⁴. Это местоимение «наши» очень символично, как символично и рождение мифа о том, что маленькая Черногория в знак солидарности с Россией объявила войну Японии, а потом даже забыла заключить с ней мир.

Верность России сохранили черногорцы и в дальнейшем. Их знаменитое русофильство стало одной из причин того, что представительство черногорцев в югославском движении Сопротивления в годы Второй мировой войны было весьма многочисленным. Их было больше других и среди репрессированных «коминформовцев» после конфликта Сталина с Тито в 1948 г.

После нормализации отношений между СССР и Югославией каждая югославская республика имела своим побратимом одну из советских республик. Черногории досталась Армения. Однако Черногория настояла на том, чтобы одновременно стать побратимом России. Тем не менее, взаимные связи заметно ослабли. Общая закрытость и подозрительность Советского Союза распространялась и на «ревизионистскую» Югославию.

Фактически только в 2000-е гг. российские туристы стали открывать для себя старого подзабытого друга. Но их поток быстро рос. В прошлом году страну посетило уже около 150 тыс. россиян. По сравнению с другими странами, в полюбившейся Черногории россияне стали задерживаться надолго. Постепенно на черногорском побережье сложилась по-своему уникальная ситуация: массовое и длительное присутствие российских граждан, со своими школами, газетами и т. п. По разным данным, сегодня постоянно проживающих в Черногории россиян – около 10 тыс., собственников жилья – до 20 тыс. Это отнюдь не повторение ситуации с русской эмиграцией межвоенного периода⁵, а чаще всего – жизнь на два дома, на две «локации». Уже выходят первые серьезные работы по изучению этого явления⁶.

Одновременно и черногорцы не забыли дорогу в Россию. Сразу после войны с немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками, а затем после нормализации отношений между Югославией и СССР черногорцы приезжали в Советский Союз на учебу. Много позже к ним добавились и приезжающие на заработки, прежде всего рабочие строительных специальностей. Особенно югославское, в том числе и черногорское, присутствие увеличилось в России во время антисербских санкций 90-х гг. прошлого века.

Сегодня около 4–5 тыс. выходцев из Черногории продолжают работать в России. Их можно встретить даже в ведущих российских футбольных командах. Не затерялся в России и черногорский бизнес.

* * *

Предлагаемый вниманию читателей юбилейный сборник состоит из очерков о черногорцах, приехавших в Россию за последние триста лет. Это были и обычные люди, и представители черногорской элиты – митрополиты, супруги великих князей из династии Романовых,

партийные функционеры из титовского окружения. Одни приезжали в Россию на короткое время, другие – задерживались в ней на долгие годы, а то и навсегда. Случалось и организованное переселение черногорцев в Россию⁷. Одни всеми силами стремились в Россию, другие – оказались в ней вынужденно, волею обстоятельств. Одни запомнились только своим близким, другие оставили яркий след в истории Черногории или своей второй родины – России.

Надо сказать и о том, что историк – это всегда зависимая профессия, зависимая от источников. Наверное, есть еще много выходцев из Черногории, заслуживавших специального упоминания. Но о них не сохранилось документальных материалов, или эти документы не стали еще доступны историкам.

Отсюда в сборнике нет единообразия. Одним нашим героям посвящены более-менее подробные очерки и даже не один, другим – лишь несколько страниц. Но все вместе они составляют пеструю трехвековую мозаику черногорского присутствия в братской стране.

Сборник подготовлен в Институте славяноведения РАН, его авторами стали сотрудники Института и их коллеги (в том числе из Черногории) – от признанного специалиста по черногорской истории Н. И. Хитровой до аспирантов, только начинающих постигать историю этой удивительно интересной и красивой страны. Повторимся, что авторы сборника отдают себе отчет, что их книга совсем не исчерпывает заявленную в заглавии тему. Многие персоналии еще ждут своей очереди, многое из того, что уже попало в сборник, нуждается в дополнении и уточнении. То, что читатель держит в руках, это скорее подход к раскрытию темы, эскиз к будущей картине.

Но самое главное – в изучении этой темы невозможно поставить точку. Российско-черногорские отношения развиваются, ни на миг не прерываются связи между людьми, такими далекими и такими близкими. Путь навстречу продолжается.

Примечания

¹ Цит. по: *Бычков Ю. Е.* Черногория: от прошлого к настоящему. Страницы истории Черногории и российско-черногорских отношений. М., 2008. С. 228.

² В этом году, 6 марта, исполнилось 180 лет со дня его рождения.

³ *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888–1915. Т. 1–3.

⁴ *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 годах. М., 1993. С. 267–268.

⁵ Для сравнения: в период между двумя мировыми войнами на территории всей Югославии русских эмигрантов было около 40 тыс. человек. На Черногорию приходилось не более 5 тыс. Подробнее см.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.

⁶ *Радойчић Д.* Миграция русских в Черногорию в начале XXI-го века // Европейская интеграция и культурное многообразие. В 3 ч. М., 2009. Ч. 1. Идентичность и миграции. С. 135–150.

⁷ См., например; *Распопович Р.* Для службы и верного подданства. Переселение черногорцев в Россию в 1750-х годах // Родина. Россия и Черногория: вехи истории. Спецвыпуск. М., 2006. С. 15–17. См. также опубликованные в этом сборнике статьи Ю. П. Аншакова и Н. И. Хитровой.

Первые официальные визиты черногорцев к российскому двору: миссия владыки Данилы в 1715 г.

Распопович Р.

После того как 9 ноября 1710 г. Турция объявила войну России, в высоких политических кругах Санкт-Петербурга была рассмотрена идея графа С. Л. Владиславича-Рагузинского¹ об использовании в борьбе против Турции южнославянских народов. Поскольку в их среде уже господствовали воинственные настроения, было принято предложение отправить в Молдавию, Албанию и другие районы специальных посланников, которые должны были призвать к оружию «тамошние народы»².

Итак, начиная свой Прутский поход, Петр I рассчитывал на антитурецкое восстание на Балканах. В этом духе была составлена и его грамота от 3 марта 1711 г., предназначенная «... благородным, превосходительнейшим, почтеннейшим, преосвященным митрополитам, князем, воеводам, сердарем, арабашам, капитаном, витезам и всем доброжелательным христианом православной веры, греческия и римския, и прочим духовнаго и мирскаго чина людям... а имянно черногорцам, никшичам, баняном, пивляном, дробняком, гачаном, требиняном, хорватам и прочим христолюбивым, обретающимся под игом тиранским турецкого салтана»³. Грамота через нескольких посланников Петра I была отправлена представителям балканских народов. Алекса Попович был послан в Печский монастырь, где должен был готовить восстание в турецких районах Сербии⁴. Архимандрит Григорий Сербский был отправлен в Австрию сербскими полковниками И. Текели, Вулином, Х. Рашковичем и другими. Одновременно полковник Михаил Милорадович⁵ и капитан Иван Лукачевич должны были передать царский призыв к восстанию митрополиту Даниле Петровичу, его брату князю Луке Петровичу и остальным.

Согласно письму С. Л. Владиславича-Рагузинского полковнику Милорадовичу от 4 марта 1711 г., от него требовалось отправиться в Сербию и Албанию к Климентам, кучам, пиперам, черногорцам и другим племенам и дать им совет вступить в борьбу против турок⁶. Царские грамоты с печатями, в которых русский император объявлял свой призыв к восстанию, были вручены Милорадовичу с наказом разослать их или передать лично, кому необходимо, посредством дара или другим способом, который он сам считает наиболее подходящим⁷. Вместе с грамотами ему были вручены и их копии. От Милорадовича требовали, чтобы он сделал всевозможное в деле собирания войска и организации нападения на турок, способствовав тем самым реализации задуманного плана военной операции: «вы бы с одной стороны, а мы бы с другой ударили»⁸.

Сам Милорадович авансом за выполнение порученной миссии был сразу же награжден чином полковника. Ему также было обещано 500 золотых цехинов на содержание и расходы⁹. В случае, если он хорошо справится с делом и поднимет против турок многие народы, Владиславич-Рагузинский пообещал скорое получение генеральского чина и великую благосклонность государя императора¹⁰. Назначенную сумму в 1000 золотых – 500 для него и 500 для Алексы Поповича – нужно было получить в Бухаресте^п, у торговца Ангелакия Спаидаки.

По данным российской историографии, грамота русского царя балканским народам была вручена русскому консулу в Венеции Димитрию Боцису 5 июня 1711 г. Затем консул передал ее Милорадовичу¹². Сам Милорадович в письме русскому царю в конце 1712 г. писал, как утверждает в нашей историографии¹³, что он получил грамоту 12 апреля 1711 г. Эта дата наиболее вероятна, ведь Милорадович был в Черногории уже в начале июня.

Согласно письму, в начале апреля он, разрешив свои личные семейные дела, находился в Бухаресте Мунтянском¹⁴, когда к нему приехал «капитан Иван Албанез, то есть монах Моисей»¹⁵, и вручил ему две грамоты – одну, составленную в Москве 10 марта 1711 г., с печатью и распоряжением его царского величества, за подписью первого министра графа Гавриила Ивановича Головкина, и другую, также составленную в Москве 4 марта 1711 г., за подписью Владиславича-Рагузинского¹⁶. Кроме того, он передал ему и «другие 12 грамот, отправленных по царскому указу в Черногорию и Герцеговину и Албанию и остальным»¹⁷. По указу его царского величества, граф Г. И. Головкин и С. Владиславич приказали Милорадовичу принять 12 грамот и тотчас их в упоминавшиеся племена передать, чтобы «стали той часть единокупно воевати»¹⁸.

Выполняя царский приказ, Михаил Милорадович с капитаном из Подгорицы Иваном Лукачевичем отправились в Черногорию. В начале июня царские посланники прибыли в Грбаль и тут же подняли грбальян на борьбу против турок. Согласно сведениям, полученным из более позднего письма Милорадовича Д. Ф. Боцису (от 5 февраля 1712 г.), когда он приехал в означенную землю с грамотами от 5 июня¹⁹, то разослал их тем командантам провинций, которым их требовалось вручить²⁰. Кроме доставки царского письма и поднятия народа на восстание, в задачи миссии Милорадовича входило осуществление военного руководства над отрядами в Черногории, Герцеговине и соседних областях согласно разработанному военному плану, частично изложенному в письмах Владиславича-Рагузинского и графа Головкина²¹.

В первых числах июня 1711 г. Милорадович передал грамоту митрополиту Даниле²². Владыка, как говорится в более позднем сообщении Гавриила Милорадовича Петру I, тут же начал призывать народ к восстанию против неприятеля, неверных турок, за христианскую веру и честь «Преосвященного Царского Величества»²³. Собрались князья, сердары, воеводы и другие христиане. На черногорском собрании была прочитана царская грамота. Черногорцы приняли с большим воодушевлением призыв русского царя²⁴, а также своего правителя взяться за оружие и, покинув собрание, уехали, чтобы «каждый на свои деньги приобрел немного пороха и свинца»²⁵.

С началом восстания многие турецкие города в Албании и Герцеговине попали в осаду, так что положение турок в них было тяжелым, а связь между ними оказалась прервана. Османское войско 15 июня 1711 г. было разбито при Гацко, и за короткое время была освобождена значительная территория. На массовость и размах восстания указывают данные, которые приводит Милорадович в продолжении своего письма Боцису²⁶. Считается, что численность отрядов под его командованием составляла около 30 000 чел.²⁷. Для сравнения можно упомянуть, что во время Прутского похода русская армия насчитывала 38 326 солдат и 122 орудия²⁸.

О сражениях, в которых после прибытия Милорадовича принимали участие черногорцы, писал владыка Данило в письме Петру I, датированном 12 (23) октября 1711 г. Это было первое правительственное письмо русскому царю с момента приезда Милорадовича в Черногорию. Помимо того, что это письмо, написанное через несколько месяцев после приезда Милорадовича, представляло собой ответ на царскую грамоту, оно также содержало информацию о том, что происходило в Черногории после объявления балканским народам царского призыва к восстанию. Владыка говорил, что черногорцы «принялись воевать ранее всех»²⁹. Между тем, в письме правитель абсолютно открыто обращал внимание на то, какое несчастье может случиться с Черногорией, если она будет оставлена русскими и предоставлена туркам. Поэтому он искал у русского царя защиту и особо просил, чтобы в случае начала переговоров с османами и в случае, если будет подписано мирное соглашение, Черногория не была оставлена султану.

Причина беспокойства правителя в отношении исхода борьбы с турками заключалась в том, что события в войне развивались не так, как было первоначально запланировано и как в своем письме и через своего посланника предсказывал Петр I. Ожидаемая помощь со стороны русского войска восставшим не пришла, однако в Черногории не знали, что виной тому были военные неудачи России.

Речь идет о том, что после неблагоприятного исхода сражения при Пруте, 12 июля 1711 г. Россия была вынуждена подписать Прутский мир. Он, правда, длился недолго, так как 17 декабря 1711 г. Порты вновь объявила войну России³⁰. Эта война, впрочем, тоже быстро закончилась, так что вскоре было заключено новое мирное соглашение, неблагоприятное для России. Обо всем этом в Черногории в то время не было известно.

Это подтверждает содержание письма Михаила Милорадовича русскому консулу в Венеции Д. Ф. Боцису от 5 февраля 1712 г. В письме Милорадович просит Боциса познакомить русского посла в Вене с его донесением о событиях в Черногории и сообщить, что он «многие письма писал ко двору, но никогда ответу не получил и до сего часу не могу ведасть, что тамо чинится»³¹. Также из-за этого он решил отправить туда брата Гавриила со своими письмами и письмами глав отдельных областей. Но с того момента прошло уже три месяца, и он никаких вестей о нем и его миссии, как и о положении на русско-турецком фронте, не имел.

Итак, в Черногории имела место полная неосведомленность о военных действиях русских войск. С другой стороны, неявка ожидаемой помощи и отсутствие хотя бы каких-то вестей из России, конечно, не могли увеличить военный энтузиазм у черногорцев. Но, несмотря на это, борьба не прекращалась. С. Л. Владиславич-Рагузинский 12 июня 1712 г. писал Г. И. Головкину: «Иного к доношению не имею, только пишут из Венеции, что полковник Михайло Милорадович, посланный прошлого году, в Албании с монтегегрины и протчим тамошним народом, и ныне воюет против турков з государевыми знамены»³².

Однако достаточно скоро появились и серьезные трудности, которые значительно ослабили планы восставших. Развитие успехов в начавшейся войне подразумевало под собой захват осажденных турецких городов, в которых находились главные османские силы³³. Но возможностей для этого не было. В начале февраля 1712 г. Милорадович писал Боцису, что «города от платежа солдатам, без пушек, пороху и ядер взять не можно»³⁴. Давал о себе знать и серьезный недостаток в деньгах.

Согласно еще одному более позднему письму Милорадовича царю (вероятно, конец июля 1712 г.), после того как царские грамоты «были отправлены в Македонию, Черногорию, Герцеговину и другие провинции», части под его командованием воевали «в зиму и лето беспрестанно... 14 месяцев» и «много боев с турками совершили»³⁵. В этом обращении Милорадович повторял, что «многие турецкие города и села сожгли» и «турок порубили и разбили...». Однако, когда мир между Россией и Турцией был заключен, «а мы о мире ничего не знали, никто нам об этом не писал»³⁶, Черногория попала в серьезную беду. Тогда, как говорилось далее, «двинулась на нас вся сила турецкая. Самым первым пришел паша Махмутбегович с войском из Румелии и с ним три паши из Албании и из Авлуна и с ними войска 25 000. И мы три недели назад, турок разбивали всякий раз»³⁷. Милорадович далее оповещал царя о том, что после тех нанесенных туркам поражений прибыл великий сераскер боснийский «и с ним пашей семь и турецкие силы от Биограда и Боснии и Герцеговины и вся нижняя краина и с ними турецких войск 40 000»³⁸. «Тогда все турки собрались, вышеозначенные первые паши и их войско разнообразное. И так на нас все вместе навалились. Мы их ожидали и с ними в тяжелый бой вступили и два раза их разбили, и погубло турок 10 000, а наших храбрых витязей 250»³⁹.

Изучая продолжение письма Милорадовича, мы выясняем, что после этого столкновения события развивались следующим образом:

Потерпев поражение, турки «обратились с просьбой отправиться в Цетинье, чтобы там мир заключить». Так как разрешение они получили, то отправились в Цетинье, где посетили «монастырь и дома, и кельи владыки Даниила, который многое потратил ради любви Вашего Царского Величества»⁴⁰. Но «неверные турки на силу понадеялись и монастырь снесли. И другие три церкви в Цетинье снесли, и все дома христианские, что в Цетинье, спалили и снесли»⁴¹. Когда черногорцы увидели «турецкую измену и обман», как писал далее Милорадович, «мы ударили в турок и с помощью Божьей, и благословением Его Царского Величества, побили и зарубили турок 8000. И трое наших погибло. И выгнали турок в Лешко поле под Подгорицей»⁴².

После изгнания турок из Черногории, согласно письму Милорадовича русскому царю, собрались «все князья и воеводы и остались христиане, чтобы совет совершить». Ситуация, в которой находилась Черногория, была очень тяжелой. Помимо того, что все было сожжено и разрушено, существовал и серьезный недостаток во всем. Так как девять месяцев «не было ни его брата Гавриила от Вашего Царского Величества, ни какого другого голоса», в письме Петру I Милорадович пишет, что он тогда все свое личное имущество, «что имел пригосее еще от моего отца потратил, так как еще задолжал людям церковным и владыкам и другим добрым христианам, которые усердие имеют к Царскому Величеству, и все то потрачено на порох и свинец и другие потребности, нужные для войска, бой ведущего четырнадцать месяцев, и на плату солдатам, которые были на страже у турецких границ»⁴³. Больше денег не было, а долг за совершенные расходы составлял 9000 цехинов. В такой ситуации черногорцы решили на собрании послать Михаила Милорадовича к царскому двору⁴⁴.

Милорадович отправился в Россию в августе 1712 г. Из-за того, что он действовал вне инструкций, полученных при отправлении в Черногорию, больше года он ожидал аудиенции от канцлера Г. И. Головкина и русского царя. Превышение полномочий по отношению к инструкции, которую получил царский посланник, касалось грамоты, которую он сам написал и прочитал на черногорском совете 16 (27) апреля 1712 г. Согласно этому документу, черногорцы принимались в русское подданство, им гарантировались церковная самостоятельность, гражданские свободы и освобождение от налогообложения («могут никому не давать ни налогов, ни подушной подати, ни десятины, ни на право собственности, ни на виноград, ни на луг, ни на коня, ни на вола...»)⁴⁵. Россия, согласно этому документу, обязывалась обеспечивать Черногорию материальной помощью, а черногорцы в свою очередь давали обещание воевать на ее стороне, когда той это будет нужно. Заключение таких соглашений не могло быть в компетенции царского чиновника, отправленного в Черногорию с совсем другим заданием. Именно по этой причине в России были недовольны поступком Милорадовича, и по возвращении высокие сановники отказались его принять со служебным визитом.

* * *

Абсолютно не готовая к дальнейшей войне с турецкими войсками, нападения которых приняли широкий характер, Черногория была практически разгромлена и опустошена⁴⁶. Поход, целью которого было возмездие за ранее нанесенные поражения, вследствие полного опустошения предыдущими сражениями и абсолютного падения боевого духа черногорцев, завершился катастрофическими последствиями: «Наступил такой трагический исторический момент для Черногории и для существования ее населения, что в народном сознании, в ранней черногорской истории ничто не могло сравниться с огнем и мечом, которые грозили в

1714 г. полностью опустошить страну, обезглавить черногорскую верхушку»⁴⁷. В общей панике владыка Данило с несколькими сотнями черногорских предводителей перешел на территорию Венеции⁴⁸. Тогда же было принято решение о его отъезде в Россию.

Учитывая состояние, в котором находилось государство, миссия владыки была вынужденной необходимостью. Из-за специфичных условий, в которых принималось это решение, в Россию владыка Данило отправился без необходимого на то дозволения. Поэтому, добравшись в конце 1714 г. до Вены, он отправил письмо русскому канцлеру Головкину, в котором запрашивал дозволение приехать в царскую столицу⁴⁹. Из Вены владыка Данило написал еще несколько писем русскому канцлеру и царю, в которых детально описывалось происходящее в Черногории и страдания, которым черногорцы были подвергнуты. Но, поскольку разрешение на въезд в Россию не пришло, Данило после трех-четырех месяцев, проведенных в Вене у «венского кесаря», добился дозволения проследовать до польской границы. Так в начале 1715 г. он прибыл в Киев. Оттуда он вновь обратился с просьбой о получении необходимых документов. В этот раз ответ пришел быстро. Помимо разрешения продолжить путь, ему была предоставлена соответствующая финансовая помощь.

До русской столицы владыка Данило добрался в апреле 1715 г. Это был первый визит какого-либо правителя из Цетинье в Петербург. Помимо того, что речь шла о посещении духовных сановников, поездка также носила политический характер. Данило был принят высшими российскими политическими деятелями, включая и самого царя Петра I. Хотя Данило произвел приятное впечатление на своих собеседников, сам он не был удовлетворен результатами состоявшихся переговоров. На это решительно повлияло осознание того, что направление русской внешней политики поменялось из-за занятости в войне со шведами. Так как это исключало возможность русско-турецкой войны, которая представляла бы собой единственный благоприятный сценарий развития событий для Черногории, Данило понял, что исчезла последняя надежда серьезно поправить положение, в котором находилось его государство. Предоставленные с русской стороны благодарность за помощь в войне с Турцией, материальная поддержка пострадавшим, возможность переселения для черногорцев в Россию – все это для владыки не имело такого значения, какое имели ожидание войны России с Османской империей и надежда на освобождение Черногории.

Однако в ходе обширного доклада Коллегии иностранных дел, который имел характер меморандума, в шести пунктах формулировавшего предложения о дальнейших русско-черногорских связях и взаимоотношениях, владыка заявил, что изменившиеся условия русской внешней политики должны были бы сочетаться с жизненными интересами Черногории⁵⁰. Этот документ, который в известном смысле носил характер петиции, был направлен Коллегии иностранных дел 3 (14) мая 1715 г. С содержанием прошения был ознакомлен и русский царь.

После изучения предоставленного владыкой прошения, 9 июля 1715 г. на него пришел ответ в виде царской грамоты. Было решено предоставить Черногории материальную помощь: выделялось 10 000 рублей – 5 000 рублей в качестве помощи пострадавшему народу, а 5 000 – правителям в качестве компенсации за траты в войне 1711–1714 гг.⁵¹. Цетиньскому монастырю была выделена постоянная субсидия в 500 рублей, которая должна была выплачиваться раз в два года. В Черногорию было отправлено 160 золотых медалей для награждения черногорцев, проявивших себя в боях. Была выделена и соответствующая сумма для покрытия дорожных расходов владыки и его свиты. В отношении всего того, что было предписано указом для черногорской миссии, лишь Московская митрополия проявила непонимание, посчитав одеяния и митру для владыки, церковные книги и другую утварь слишком дорогими подарками. Но поскольку и для этой проблемы было найдено решение, практически все пункты царского указа по отношению к Черногории были выполнены.

Между тем, царская грамота содержала положения, относившиеся и к другим балканским народам. С одной стороны, из ее содержания вытекало признание несоизмеримо более значительного вклада черногорцев в борьбу с турками в период 1711–1712 гг. по сравнению с другими славянскими народами Балканского полуострова, которым также были направлены воззвания Петра I. С другой стороны, о Черногории говорилось как об очень важном для дальнейшей русской политики в этих областях центре антитурецкой борьбы. Разумеется, основой для такой оценки могли быть только военные победы, а не поражения в 1711–1712 гг. Несомненно, что, несмотря на особые отношения России и Черногории, установившиеся, как известно, благодаря участию черногорцев в военных операциях, проезд правителя Данилы к русскому двору был использован и другими балканскими народами для того, чтобы получить сообщение об изменениях в российской внешней политике на европейском юго-востоке в тот период.

В грамоте русский император, «царь и самодержец всероссийский», обращался с благоволением к «преосвященным митрополитом, превосходнейшим и почтеннейшим господам губернаторам, капитаном, князем и воеводам и всем христианом православно-греческого, также и римского вероисповедания, духовного и мирского чина в Сербии, Македонии; черногорцам и приморцам, герцеговцем, никшичам, баньяном, пивлянном, дробняком, гачаном, трембиньяном, кучам, белопавличам, пипером, васоевичам, братоножичам, Климентам, граховлянном, рудинаном, поповлянном, зубцем»⁵².

Далее Петр I с особенным почтением отметил преданность и храброе поведение черногорцев, которые на царский призыв, врученный через Михаила Милорадовича и капитана Лукачевича, поднялись и, вооружившись все вместе, «всенародно показали воинские против того общаго христианству неприятеля храброя и славныя действия»⁵³. Поэтому позднее, «когда тот салтан турецкий паки с нами мир возобновил, прислал в провинции ваши турецкие свои войска, которые многих из ваших народов порубили и мученически умертвили, иных же по каторгам развезли, монастыри же и церкви пожгли и церковныя утвари и ваши пожитки разграбили»⁵⁴. Будучи оповещенным «как из других сообщений, так и из ваших известий, посланных на наш двор о несчастье, которое застало Черногорию», Его Царское Величество «из чувства христианского долга» изъявил свои соболезнования⁵⁵.

Подробное описание событий в Черногории, данное в грамоте Петра I, имеет отношение ко всем военным событиям, т. е. к периоду с середины 1711 г. до конца 1714 г. По этой причине весьма ощутима разница в оценке успешности борьбы, которую вели черногорцы против турок в период 1711–1712 гг., по отношению к ситуации, в которую они попали во время похода Джуприлича в 1714 г. Более того, общеизвестно, что Петр I в своей грамоте новый турецкий поход связывал с предыдущими военными успехами черногорцев. Из-за масштабов трагедии, которую переживала Черногория, русский царь распорядился, как далее говорилось в грамоте, чтобы во всем русском православном царстве, «в божиих церквах и в монастырях за оных пострадавших за веру христианскую и венчавшихся мученическим венцем соборно богу молиться и поминовенье творити»⁵⁶.

Воинам, оставшимся в живых, Петр Великий передавал: «Мы, великий государь, наше царское величество посредством этой грамоты желаем, чтобы за ваш этот подвиг с начала этой войны, преданный христианству и единоверию с нами, и совершенное военное действие, на милостиво вас похвалить и поблагодарить за помощь, оказанную тогда нам, великому государю и всей нашей империи»⁵⁷.

Вне всякого сомнения, переданное в царском письме столь сильное выражение благодарности за оказанную помощь, которая оценивалась так серьезно, что ее значение связывалось с Российской империей и христианством в целом, не могло передать действительный масштаб того, какую важную роль эта помощь играла. Также ясно, что русский царь не имел ника-

кой надобности по каким-то причинам преувеличивать значение черногорской помощи. Очевидно, что в России хорошо знали о том, что происходило в Черногории в 1711–1712 гг., какую военную пользу черногорцы принесли, какой подвиг совершили.

Сообщив решение по поводу материальных потребностей владыки Данилы, Петр I далее в грамоте описал и достаточно неблагоприятную внешнеполитическую ситуацию, в которой находилась Россия. Она обуславливалась продолжительной истощительной войной, которую вела Российская империя со шведским королем. Поэтому эту войну сначала требовалось завершить, чтобы сократить большие расходы государственной казны. Этим объяснялось, почему материальная помощь, оказанная Черногории, была столь невелика, то есть по какой причине Петр I не мог наградить черногорцев по достоинству и заслугам⁵⁸. Царь дал понять, что в будущем, после заключения мира и освобождения от нынешних военных расходов, он не забудет их за верную службу наградить большой царской милостью. В завершение он вселил в черногорцев надежду на великую царскую милость и награду, которая в будущем никогда не будет у них отобрана. Грамота завершалась наказом сообщить остальным славянам на Балканах, «нашу к вам милост бывшей здесь при нашем дворе преосвященный Даниил, митрополит скендерийский»⁵⁹.

Владыке Даниле, таким образом, отводилась роль посланника русского царя, которому были предоставлены полномочия по передаче его поручений славянским народам на Балканах. Поручения, переданные черногорскому архиерею, если познакомиться ближе с непосредственными политическими планами Российской империи, имели отношение ко всем многочисленным племенам, перечисленным в самом начале царского письма.

Хотя все ответы русского правительства на черногорские прошения были выражены лишь в материальном отношении, они тем не менее имели важное моральное и политическое значение, так что, говоря о миссии владыки в целом, можно считать ее вполне удавшейся.

На этом официальная часть миссии владыки Данилы была завершена. Из Москвы в Киев он со своей свитой отправился в конце августа 1715 г.⁶⁰. Проезжая через Вену, он провел переговоры с Евгением Савойским. В Черногорию Данило вернулся в апреле 1716 г.

Так завершилась миссия владыки Данилы Петровича, родоначальника династии, которая на протяжении следующих двух веков создавала основу для своей политики на фундаменте, заложенном во время этого визита в Петербург. Для Черногории Россия была естественным союзником, страной с близким языком, государством одной, православной, веры, сильной империей, которая, обороняя славянство и православие, боролась против того же неприятеля. Россия, опять-таки, в освободительных движениях на Балканах, среди которых особо бросалась в глаза военная сила черногорцев, видела главную основу своей внешней политики именно в этом районе европейского континента. Именно поэтому, несмотря на то что все решения императорского правительства по черногорским прошениям носили лишь материальный характер, они как для одного, так и другого государства имели большое моральное и политическое значение.

Благодаря миссии владыки Данилы политические отношения с Россией, установленные в 1711 г., еще более укрепились. Черногория получила подтверждение своей уверенности в том, что в лице России она нашла мощного защитника и покровителя, который может быть твердой материальной и политической основой для освободительного движения и конституирования власти.

Однако, несмотря на совпадение глобальных исторических интересов, географическая удаленность, из которой часто произрастали другие непосредственные политические задачи и потребности, а, учитывая разницу в размерах и геополитическом положении государств, еще и появление других способов решения этих задач, – все это повлияло на то, что во взаимоотношениях Черногории и России возникали как периоды кризиса и колебаний, так и попытки

поиска другой опоры. Будучи маленьким и политически зависимым государством, вследствие вынужденных исторических обстоятельств к таким шагам в первую очередь прибегала Черногория.

Они делались уже в первые годы после установления политических взаимоотношений. Хотя со временем причины менялись, на начальном этапе их определяла необходимость поиска активного союзника для борьбы против турок. Так, особенно в те времена, когда отношения между Османской империей и Россией были хорошими, Черногория пыталась найти поддержку для своей освободительной борьбы у других государств. Из-за того положения, в котором находилась Черногория на момент возвращения из России ее правителя, несмотря на воодушевление, которое у измученного населения вызвали результаты его визита в Петербург, на основании чего венецианские власти посчитали, что здесь появились русские, владыка Данило совершил быстрый маневр с целью сближения с Австрией, а затем с Венецией.

Учитывая, что государственные институты не были созданы, поиск внешнеполитической поддержки России, Австрии и Венеции не мог иметь характер «государственной политики в полном значении этого слова». Скорее это был нередко спонтанный выбор решения, приносившего сиюминутную пользу, решения, которое не могло брать в расчет все интересы государства и находящихся в его составе отдельных племен. Тяжелые обстоятельства, в которых находился народ, естественным образом указывали на Венецианскую республику как на ближайшего соседа, от которого можно было получить помощь. Они и объясняли мотивы, по которым отдельные племена и нахии искали соглашения с Венецией, особенно в те времена, когда после турецкого разорения государство попало в серьезную беду.

На этих различиях в вопросе понимания реального политического интереса в условиях отсутствия институтов государственной власти формировались две явно противоположные политические концепции будущего устройства Черногории. В отличие от старой, прозападной концепции, которая основывалась на представлении о Венецианской республике как о протекторе, владыка Данило отстаивал новую политическую ориентацию, которая в первую очередь основывалась на отношениях с Россией, однако в некоторых случаях не исключала и сотрудничество с Австрией, но при этом была подчеркнута антивенецианской.

Однако в тот момент, когда эти два политических направления встретились лицом к лицу, владыка Данило, несмотря на то что в глубине души был против соглашения с Венецией и даже некоторое время всячески препятствовал его осуществлению, все же, желая сохранить свое положение первого политического лица Черногории, был вынужден пойти на некоторое сближение с венецианцами. Это произошло, хотя и не по его воле, на совете, состоявшемся 21 июля 1717 г., на котором рассматривалось упомянутое соглашение.

Поскольку ничто не могло отвлечь черногорцев от сотрудничества с венецианцами, ему не оставалось ничего другого, кроме как взять управление этим процессом в свои руки⁶¹. Сравнительно быстрый поворот к Венеции, произошедший через год после возвращения из России, отчасти объяснялся и тем, что за установившимся сотрудничеством с русским царем не последовала соответствующая материальная помощь.

Более того, средств, которые владыка Данило привез в Черногорию по завершении миссии в столице России, даже отчасти не хватало для того, чтобы восстановить разоренные территории, отстроить заново разрушенные церкви и монастыри, погасить все совершенные военные расходы. Особенно их не хватало для того, чтобы вернуть деньги, которые были взяты займы у церквей, монастырей и простых жителей Черногории в 1711–1712 гг., на сумму, приведенную владыкой в пункте 6 своего меморандума Коллегии иностранных дел. Сюда же относится и сумма, которую П. Арколей⁶² и М. Милорадович взяли у Требиньского монастыря для покупки оружия и амуниции. Данный вопрос был вновь поставлен несколькими годами позже в письме митрополита Данилы I канцлеру Г. И. Головкину.

С решением проблемы долга церквям и монастырям черногорско-русские отношения перешли в фазу затишья. Период от Пожаревацкого мира (1718 г.) и Санкт-Петербургского мира (1723 г.)⁶³ до смерти владыки Даниила (1735 г.) протекал в сравнительной стабильности, которая в какой-то степени была обусловлена предшествующим военным опустошением Черногории. Вследствие этого до конца правления Даниила Петровича серьезных контактов между Россией и Черногорией не было. Но результаты Пожаревацкого мира и последующие действия Венецианской республики показали, что Черногория для осуществления своего стремления к освобождению прежде всего должна была искать поддержку России⁶⁴.

Между тем, после установления отношений с Черногорией и в политике русского двора начался период недостаточно активных отношений без непосредственных политических контактов. Это особенно проявилось в период после смерти Петра Великого (1725 г.), когда, из-за занятости внутренними событиями начала эпохи дворцовых переворотов и борьбы за престол, интерес к судьбе Черногории отсутствовал. Только со стабилизацией положения в государстве и вступлением на престол самой младшей дочери Петра Алексеевича царицы Елизаветы Петровны (1741–1762 гг.) политические отношения между Россией и Черногорией были расширены.

Сложившаяся ситуация повлияла на то, что были оставлены без внимания обязательства, взятые Россией во время визита владыки Даниила в Санкт-Петербург в 1715 г., что привело к невыплате назначенных субсидий, хотя вина здесь лежит не только на российской стороне. По указу Петра I от 1715 г. предписывалось, чтобы из черногорско-приморской митрополии и Цетиньского монастыря Рождества Пресвятой Богородицы впредь приезжали в Москву и «сюда в Петербург ко двору каждый третий год за милостыней, которую предписывалось отправлять в тот монастырь в эти годы по 500 рублей»⁶⁵. Приезжающие должны были обеспечиваться средствами на проживание, еду и питье, а также на дорожные расходы. Однако из-за большого расстояния между Черногорией и Российской империей и тяжелого, неудобного пути через многие государства не только «за милостивой помощью монастырю», но и «ради одобрения Его Царского Величества из-за претерпленного разорения», вплоть до приезда владыки Саввы в Санкт-Петербург (1741 г.), ни один «курьер» туда не был отправлен. Поскольку, «если бы нам в это обговоренное время курьеров требовалось отправлять, то они за одно путешествие могли в два раза больше потратить, нежели от этой милостыни получить»⁶⁶. По этим причинам «милостивая субсидия» черногорской митрополии в 500 рублей в 1718 г. была получена через Венецию посредством векселя, а в 1727 г. – через архимандрита Леонтия, который приехал туда «по своим потребностям»⁶⁷.

Но это несколько не значит, что в России были забыты и черногорские заслуги, и причины, по которым было решено предоставить помощь. Не значит это и что принятое ранее царское решение было каким-то образом поставлено под вопрос. То, что указ Петра Великого и в дальнейшем оставался в силе, показал визит владыки Саввы в Петербург в 1741 г. За прошедшие 23 года в адрес митрополии были одобрены выплаты на общую сумму в 5750 рублей. Сумма оказываемой Цетиньскому монастырю помощи была утверждена в соответствии с упоминавшимся ранее царским указом, по которому предоставляемая помощь выплачивалась каждый второй год (прошло 23 года, т. е. 11,5 года x 500 рублей = 5750 рублей), а в каждый третий год, в который разрешался въезд в Россию, производился расчет. Согласно этому раскладу владыке Савве и была выплачена вся остальная сумма по субсидиям, что означает, что причины, по которым в этот промежуток времени выплаты не производились, не имели политической природы.

И этот факт показывает, что твердую основу для черногорско-русских отношений заложили события 1711–1712 гг. Если бы черногорская военная польза была так невелика, как это пытаются представить критики «великих черногорских побед», Россия не имела бы ника-

ких оснований в ходе миссии владыки Данилы в вопросе материальной помощи перейти к той форме взаимоотношений, которая была неприменима ни к какому другому государству на Балканах. Хотя эта помощь с материальной точки зрения была невелика, хотя и предназначалась она Цетиньскому монастырю, она имела большое моральное и политическое значение для Черногории и повлияла на дальнейший ход освободительных и государствообразующих процессов в стране, особенно потому, что ее главной движущей силой была Цетиньская митрополия.

Конечно, принимая решение о выплатах, Россия руководствовалась собственными интересами, и основой для этих интересов могла быть лишь военная сила черногорцев. Тот факт, что они после приезда Милорадовича задержали турецкие, албанские, герцеговинские и боснийские войска, которые из-за этого восстания не могли пойти навстречу другим частям султанской армии в районе Прута и тем самым усложнить положение русских войск, убедительно говорит о том военно-стратегическом значении, которое имела Черногория. Еще одно подтверждение ее военного значения было получено благодаря отпору, который дали черногорцы уже после поражения русских на Пруте, когда в страну двинулись мощные турецкие силы. С этими силами в 1712 г. состоялось решающее сражение при Царевом Лазу, в котором, как известно, турки потерпели поражение.

С другой стороны, оценка значимости военных событий 1712 г. в широком контексте русско-черногорских отношений в начале XVIII в. говорит о том, что они из-за своей важности для русских войск в ходе военных действий против турок в 1710–1711 гг. в дальнейшем действительно стали основой для русской политики по отношению к Черногории в целом.

Перевод с сербскохорватского А. Пивоваренко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Павленко Н. И. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сибирские огни. 1978.3.

² Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. II. Вып. 1. С. 338–339. Согласно данным российской историографии, в Венецию в качестве особого наблюдателя был направлен и сам С. Л. Владиславич-Рагузинский, которому было поручено наладить отношения с черногорцами, албанцами и герцеговинцами. См.: *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 105–107.

³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. II. Вып. 1. С. 117–119. В грамоте русский царь призывал мятежников «возродить старую славу, соединившись с нашими силами и вместе против неприятеля вооружиться и воевать за веру и отечество, за честь и славу, за свободу и вольность их и за наследников их» (Там же. С. 338–339).

⁴ *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений при Петре I // Вопросы истории. М., 1946. 8–9. С. 25–27.

⁵ *Bregman G.* Miloradovic, Poslanik Petra Velikog – 1711 God. Mjeseca Marta // Skando-Slavica. Nomus XV. Copenhagen, 1969. P. 263–273.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Сношения России с Черногорией, 1796–1800. Д. 29. Л. 134–136. Далее в письме говорилось, что все милостивый царь и государь со своим могущественным войском сам лично, даст Бог, будет в этих землях.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 134–136. Адмирал И. Ф. Боцис 18 августа 1711 г. писал Петру I, что как только его сильная армия пересечет Дунай, начнутся восстания, и христиане, вооружившись, прогонят главного неприятеля христианства.

⁹ Таким же чином и суммой денег был награжден и Алекса Попович в Пече.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1796–1800. Д. 29. Л. 134–136.

¹¹ См. примечание 14.

¹² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 41.

¹³ *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године // Сборник радова: Михаилу Лалију у почаст. Титоград, 1984. С. 14.

¹⁴ Согласно Павлу Рудякову, именно так в то время назывался один из румынских населенных пунктов. См.: *Рудяков П. Н.* В службу и вечное подданство. Сербские поселения Новая Сербия и Славено-Сербия (1751–1754). Киев, 2001. С. 8.

¹⁵ Иван Албанез – псевдоним монаха Моисея Митановича. См.: *Богоявленский С. К.* Из русско-сербских отношений при Петре I // Вопросы истории. М., 1946. 8–9. С. 30.

¹⁶ Сказаша о роду дворянь и графовъ Милорадовичей. СПб., 1873. С. 20–21.

¹⁷ Речь идет о магометанах и других последователях пророка Мухаммеда.

¹⁸ Сказаша о роду дворянь и графовъ Милорадовичей. С. 20–21.

¹⁹ Грамоты Петра I балканским народам датированы 3 (14) марта 1711 г. Дата 5 июня объясняется тем, что в XVIII веке документы часто датировались не по дате написания, а по дате вручения. Этим объясняется упоминание этой даты в приводимом письме Милорадовича. В этот день грамоты были вручены Д. Ф. Боцису, который затем их передал Милорадовичу. Это значит, что Милорадовичу были вручены грамоты и от Ивана Албанеза, и от Д. Ф. Боциса. См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 40.

²⁰ В письме Боцису Милорадович пишет: «И я оныя е. в. грамотых комендантом провинцией, которым оные надлежали, разослал. А именно: одну – в Македонию, другую – в Монтенегро и прочия – к дому Калагорскому, к Пиперу и Теповлоных Климентию, Отто Кастрату и Полетисали, и Фасових Братосихину и к всеу Эрцеговину Нижняго округа» (Там же).

²¹ В войне с Турцией наряду с русской регулярной армией, снискавшей славу в войне со шведами, большое значение придавалось восстанию поработенных народов в Турции. Поручив Милорадовичу все, что возможно в деле собирания войска, чтобы ударить с одной и другой стороны, Владиславич-Рагузинский рассчитывал, что Петр Великий со своей армией быстро перейдет через Дунай и что его победоносное наступление будет сопровождаться присоединением восставших черногорцев, герцеговинцев, боснийцев, а также православных христиан в Румелии, Македонии, Греции. Однако великий везирь, чья армия превосходила силы Петра в четыре раза, переправился через Дунай, прошел всю Валахию и Молдавию, дошел до Прута, где окружил русского царя и всю его армию. Поскольку сражение не принесло ожидаемую победу России, не состоялось и общее восстание христиан на Балканах.

²² Согласно данным, которые приводит А. П. Бажова, грамота Петра I, была прочитана в доме Данилы Шчепчевича Негоша (1697–1735); в ней давались рекомендации 24 наиболее влиятельным старейшинам племен и сообщалось решение, по которому с появлением первых вестей о русском наступлении нужно было направить войска против войск Османской империи. См.: *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 60.

²³ Российский Государственный Архив Древних Актов (далее – РГАДА). Ф. 86. Оп. 1.1714 г. Д. 1.Л.77.

²⁴ Была послана ответная грамота от имени черногорских и брдских племен, с приложением 22 печатей, в которой «выражалась радость по поводу обращения русского правителя и желание оказать помощь России». См.: *Бажова А. П.* Указ. соч. М., 1982. С. 60.

²⁵ *Борђевић В.* Европа и Црна Гора. Београд, 1912. С. 36.

²⁶ Хотя в историографии оценки массовости восстания колеблются в пределах 20–30 тыс. человек, упомянутые цифры возникают на основе сведений, которые приводит в письме

Боцису Милорадович: «Однако же мы многия земли под нашу власть привели до Порты ди Гиртала блиско Катары, где мы 1000 человек имеем, и так далее, от места до места, до Порты или Бара, где мы 1500 человек имеем. В Чернице ди Порто ди Сабия, где мы 1300 человек имеем, реку Маю и город, и Иван Бега, и Черновикия, что мы недавно взяли и где мы 1500 человек имеем, – все изрядныя люды. Такжеже имеем мы всю Монте[не]гринскую землю, которая под командою некотораго монте[не]гринца Яна Бека была, где мы ещо 4000 человек имеем, который город Спус осадили. Потом еще в Э[р]цоговинском, в Двертии, в Грани, в Спучи, в Драсевики, в Корияники, в Виляры, в Бугнияны, в Будине, в Новии 8000 добрых мускетеров имеем. И тако мы имеем дестрикт до самых рагузинских границ и все города, яко Требаке, Клобах, Никсики, – до венецианских границ и до моря у Каствеля-Ново. При сем вам об[ъ]явля[ю], хто нашия коменданты суть: Пипер, Бейлопавловик, Плесвас. Сии 3 коменданты имеют 3000 человек изрядных людей. Потом есть Трикатович, который 2500 человек командует, Фасенович и Братонович имеют 1500. Еще об[ъ]являю, что мы латинской церкви 500 добрых человек имеем, которыя присягали, что верно служить хотят. Ют Кастрат, Пулета, Саля, Мунеты имеют 5000 человек и письменно присягали, что оне сверностию зачесть е. ц. в. бит[ъ]сяхотяти ни под какую власть иную, чие бы не было, себя подать не хотят. См.: РГАДА. Ф. 86. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 5–8; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 41.

²⁷ Там же. С. 60.

²⁸ Там же.

²⁹ РГАДА. Ф. 86. Оп. 1. 1711 г. Д. 2. Л. 11–12; опубликовано в: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 41.

³⁰ После Прутского мира (12 июля 1711 г.) Османская империя еще два раза в период 1711–1713 гг. объявляла войну и заключала мир с Россией. Каждый раз Россия была обязана делать новые территориальные уступки. Наконец, 13 июня

1713 г. в Адрианополе был подписан мирный договор на 25 лет.

³¹ РГАДА. Ф. 86. Оп. 1. 1711 г. Д. 2. Л. 11–12; опубликовано в: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 40–41.

³² Там же. С. 42.

³³ После нападения на Гацко силы восставших пошли на Никшич. Еще во время захвата Гацко некоторые племена в районе Никшича взяли за оружие и согнали турок в горы. Когда подоспели войска владыки и Милорадовича, все турецкие войска находились в пределах городских стен. Черногорцы и восставшие два раза безуспешно осаждали Никшич. См.: *Павићевић Б.* Битка на Царевом Лазу. Знамените битке и бојеви српске и црногорске војске. С. 22.

³⁴ РГАДА. Ф. 86. Оп. 1, 1712 г. Д. 1. Л. 5–8; опубликовано в: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 40–41.

³⁵ Факсимиле и прочитанную версию этого письма обнародовал Бранко Павичевич. См.: *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године. С. 17–2. Факсимильную копию письма опубликовал и Растислав Петрович. См.: *Петровић Р.* Односи Русије са Црном Гором. Београд, 1998. С. 84–87. Согласно тексту сохранившегося оригинала, документ не датирован, однако принимая во внимание то, что в первые дни июня 1711 г. Милорадович приехал в Черногорию, а также содержащиеся в письме данные о его четырехмесячном пребывании и участии в военных операциях, получается, что оно могло быть написано в конце августа 1712 г.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Милутиновић С.* История Црне Горе одъ новіега времена. Београд, 1835. С. 55–7.

⁴⁶ См.: *Томић Ј.* Поход Нуман-паше Ђуприлића на Црну Гору, 1714 // Глас Српске Краљевске академије СХLVII. Београд, 1932. С. 48–8.

⁴⁷ *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године. С. 28.

⁴⁸ Согласно фирману, изданному султаном, одна из задач войска Джуприлича заключалась в том, чтобы владыку Данилу с несколькими черногорскими первыми людьми живыми доставить в Константинополь. Эти операции носили характер облавы, при которой уважение к венецианской государственной границе не оказывалось.

⁴⁹ *Станојевић Г.* Црна Гора у доба владике Данила. Цетиње, 1975. С. 115.

⁵⁰ В начале своего обращения (пункт 1) владыка Данило просил русского царя взять Черногорию под протекцию, что учитывалось бы при заключении будущих мирных договоров с Османской империей. Царю также была высказана просьба предоставить новую «грамоту черногорскому народу в качестве знака благосклонности и благодарности за совершенные подвиги» (пункт 2). Так как многие черногорцы, герцеговинцы и брджане, воюя против турок, потеряли свои имения, требовалось, чтобы «им присудили 60 малых и больших медалей в знак признательности» (пункт 3). Просил он и о восстановлении разрушенного монастыря в Цетиње (пункт 4). Высказывалась просьба и о возвращении всех черногорских посланников в Черногорию, за исключением тех, кто хотел бы остаться в России (пункт 5). Владыка просил и о возмещении расходов, которые он, полковник Милорадович и Иван Албанез понесли из своих средств ради пополнения военных запасов в ходе войны с Турцией. См.: *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године. С. 33–34.

⁵¹ Там же. С. 34.

⁵² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 51–52.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Эта часть текста на русском языке: «Вам же, в животе оставшимся ратоборцам, мы, великий государь, наше ц. в., восхотели через сию нашу грамоту ваш тот с начала оной войны ревностной по христианству и единоверию с нами подвиг и оказанные воинския действия все-милостивейше похвалить и за показанное в тот случай к нам, великому государю, и ко всему нашему империи вспоможение возблагодарить» (Там же. С. 52).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ В свите находились: иерей Данило, архидьякон Максим, поп Петр, поручик Лукиан Пима, капитан Дамьян Шепчев Петрович, воевода Славуј Джакович, капитан Иван Иванович Албанез, поручик Саво Брајович, поручик Саво Михайлович, Никола Властелинович и Вукашин Попович.

⁶¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 51–134.

⁶² П. Еркалео (Павел Арколей) – унтер-офицер русской армии. В начале 1711 г. был послан в Вену с материалами для дипломатического представителя России при австрийском дворе А. А. Матвеева. После заключения Прутского мира отправился в Черногорию, где именовал себя представителем российского правительства и призывал людей на продолжение борьбы, не имея для этого никаких полномочий. Согласно меморандуму, представленному владыкой Коллегии иностранных дел, П. Арколей взял взаймы у игумена Георгия сумму в 1000 золотых. Тем не менее, его появление в Черногории непосредственно перед нападением Махмуд-паши серьезно повлияло на подъем боевого духа не только черногорцев, но и других народов.

⁶³ Начало войны между Россией и Персией в 1722 г. и последовавшее ухудшение отношений с Турцией пробудили у черногорцев надежду на то, что вся Албания, Черногория и Герцеговина могут попасть под власть России. Надежды, которые владыка Данило связывал с этой войной и ее расширением, быстро погасли с заключением мира в Петербурге в 1723 г.

⁶⁴ Несмотря на то, что освободительная борьба черногорцев против турок первоначально начиналась благодаря опоре на Венецию, наиболее убедительную поддержку она получала именно от России. Так было и в ходе событий 1711–1712 гг. во время русско-турецкой войны (1710–1711 гг.), похожая ситуация сложилась и в ходе русско-австрийской войны против Османской империи (1735–1739 гг.). Хотя в этот раз русских инициатив, направленных на подъем антитурецкого восстания на Балканах, не наблюдалось, черногорцы распространили свои боевые действия на Герцеговину, что дополняло операции австрийских войск. Однако русская и австрийская армии в этой войне потерпели поражение. Влияние Османской империи на европейской политической арене благодаря этому было на время восстановлено. Для поработанных балканских народов, особенно для сербов, это означало откладывание освободительной борьбы до нового, более благоприятного момента. Победа давала Османской империи возможность привести в порядок внутренние дела, особенно в мятежных районах.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Сербией. 1743. Д. 1. С. 74–76.

⁶⁶ Сам владыка, как говорится далее, в ходе своей поездки в Петербург на необходимые расходы потратил более тысячи рублей, получив сверх этой суммы на дорожные расходы еще 200 рублей.

⁶⁷ Б. Павичевич в цитируемой ранее работе называет архиерея Леонтия посланником владыки Данилы Петровича. Однако Павичевич говорит о том, что после принятого царским правительством решения о предоставлении постоянной субсидии Цетиньской митрополии в 1721 г. и 1727 г. через архимандрита Леонтия были получены новые подтверждения о благосклонном отношении русского правительства. Поскольку под этим подразумевается выплата остальной субсидии, становится очевидно, что данные о времени и способе совершенных выплат, которые приводит автор, не совсем совпадают с теми, которые в письменном обращении к русской императрице использовал владыка Савва. Во всяком случае, с 1715 г. вплоть до приезда митрополита Саввы в Петербург Цетиньская митрополия получила обещанную помощь всего лишь два раза в виде суммы в 500 рублей.

Бока Которская и Россия ¹

Д. Радойчи

Во время правления Петра Великого было положено начало морскому сотрудничеству между Бокой Которской и Россией. В связи с созданием российского флота русский царь направил группу своих подданных в Голландию и Венецию для обучения морскому делу. Сенат Венецианской республики доверил образование семнадцати русских юношей известному капитану и математику из Боки Которской Марко Мартиновичу. После краткосрочного обучения в Венеции курсанты в течение двух лет продолжали свое образование в навигационной школе в г. Пераст ². Помимо теоретической подготовки русские дворяне получали и практические навыки, плавая по Адриатическому морю. С российской стороны обучением руководил государственный деятель граф Петр Андреевич Толстой, в будущем представитель России в Константинополе. Летом 1698 г., в связи с организацией второго учебного плавания, он встретился с будущими моряками в городах Херцегнови и Пераст. Во время пребывания в Боке П. А. Толстой вел дневник, в котором впервые упоминаются эти края на русском языке ¹.

«Это первое сотрудничество с Россией имело далеко идущие последствия не только для нашей Боки Которской, но и для всей Черногории, – пишет П. Ковачевич. – Русские воспитанники и их руководитель П. А. Толстой впервые познакомились с нашими землями и народом. Нет сомнения, что они ощутили общность славянской принадлежности, сходство религии и языка. Наверняка они были приятно удивлены, когда увидели и осознали, что на востоке Адриатики живут славяне. Русские люди, которые позднее станут высокими функционерами в публичной жизни России, будут помнить об этом постоянно; П. А. Толстой как ближайший соратник Петра Великого известил царя обо всем, что он слышал и видел, подчеркнул важность этих краев для русских интересов» ².

После завершения учебы всем воспитанникам М. Мартинович вручил аттестаты и сопровождал их в Венецию. Своих учеников он представил Сенату Венецианской республики, перед которым отчитался о ходе обучения. За успешно выполненную работу М. Мартинович был удостоен от Сената награды ³.

Исторические памятники, хранящиеся в архивах Боки Которской, и российские источники подтверждают продолжительность и глубину отношений между двумя близкими народами и двумя далекими государствами (Бока Которская в этот период была под властью Венецианской республики).

Адмирал Матия Змаевич родился в 1660 г. в Перасте, где и познакомился с упомянутым ранее П. А. Толстым. Это знакомство переросло в дружбу и определило жизненный путь М. Змаевича. После его участия в убийстве градоначальника Пераста М. Змаевич был вынужден искать убежище в Константинополе. Тут он встретился с русским посланником П. А. Толстым, который посоветовал ему поехать в Карловы Вары, где на лечении в то время находился Петр Великий. Царь лично проэкзаменовал М. Змаевича по морскому делу и незамедлительно направил его в Петербург в эскадру галер.

Из переписки Змаевича с родственниками в Перасте известно, что однажды тот спас русскому царю жизнь; во многом благодаря его таланту была одержана победа российского флота в морской битве около полуострова Гангут и Аландских островов. В то же время Змаевич

¹ Полный вариант статьи был опубликован в кн.: Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006. С. 112–118.

² Эта школа существовала здесь с XIV в.

известен как строитель портов и военных кораблей; большой вклад был внесен им в создание и организацию Балтийского флота. За заслуги в деле развития российского флота Змаевич был награжден орденом Александра Невского. После смерти Петра Великого он впал в немилость, но в 1729 г. был реабилитирован и назначен главнокомандующим порта в Таврове, где он входил в управление адмиралтейства. Через шесть лет он умер в Таврове, а похоронен был в Москве. Помня о своем происхождении из Боки Которской, М. Змаевич завещал свое имущество городу Перасту, а личный меч – его градоначальнику⁴.

Наиболее выдающимся представителем известного герцеговинского рода Владиславичей, переселившегося в начале XVIII в. в Херцегнови, был Савва³. Путь Саввы Владиславича к русскому царю также был связан с П. А. Толстым. Он покинул Херцегнови и, взяв с собой мать Теофану, отправился в Россию. Верно служа Петру I, Екатерине I, Петру II и Анне Иоанновне, Савва занимал высокое положение при российском дворе. Он был министром, советником по вопросам православного Востока, много сделал для сближения России с южными славянами. Он способствовал контактам Петра Великого с Молдавией и Валахией, а также с черногорским владыкой Данилой. Он возводил города в Сибири, участвовал в установлении границы между Китаем и Россией протяженностью в 6 тыс. км, которая осталась неизменной до наших дней.

Его считали одним из самых богатых людей России того периода. Он владел большим числом сел и многочисленной недвижимостью. Перед Екатериной I Савва ходатайствовал о признании своего иллирийского (т. е. сербского) княжеского титула, а также просил освободить его фамилию Владиславич от добавки Рагузский. Наряду с русским графским титулом было признано и его сербское княжеское звание. Он был принят в венецианский патрициат. В России он с радостью оказывал содействие и помогал всем, кто приезжал с родины, независимо от вероисповедания. Он перевел на русский язык «Историю славян» Мавро Орбини, написал путевые дневники о Китае. Его наследие в архиве выделено в отдельный фонд, не включенный ни в греческий, ни в турецкий. Перед смертью он продал часть своего имущества, а оставшееся подарил племяннику Моисею Ивановичу Владиславичу, который жил с ним в России и также имел там высокий государственный чин⁵.

Семья Войновича переселилась в Херцегнови в конце XVII в. из Герцеговины. Многие члены этого рода сыграли заметную роль в жизни России на протяжении XVIII–XIX вв. Йован Васильев был контр-адмиралом российского флота, а выйдя в отставку, в 1753 г. переехал из России в Триест. Марко⁴, также российский адмирал, родился в Херцегнови в 1750 г. Он был командующим Каспийским и Черноморским флотом, руководил Севастопольской эскадрой и был начальником черноморского мореходного училища, членом черноморского адмиралтейского управления, российским посланником в Персии. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. за четырнадцать месяцев он захватил восемнадцать судов, а как командующий фрегатом «Слава» уничтожил тринадцать турецких кораблей. До самой своей смерти он трудился на благо Черноморского флота. Под его командованием служили Д. Сенявин и Ф. Ушаков до того, как стали адмиралами. Никола Войнович родился в Херцегнови. Стал известен в боях с турками на стороне России. Как командующий фрегатом в 1799 г. с семью кораблями он участвовал в захвате острова Корфу, укреплении Фано и Синегалии и три месяца осуществлял осаду Анконы. За свои заслуги он был награжден орденами Св. Георгия IV степени, Св. Владимира, Св. Анны III степени, Св. Анны с мечами и Св. Иоанна. Семья Войновичей имела графский титул, который был подтвержден и Австро-Венгрией⁶.

³ Савва Рагузинский-Владиславич переехал в Москву в 1708 г.; служил в Посольском приказе; вел крупные торговые и коммерческие операции, участвовал в Прутском походе 1711 г.; в 1711–1722 гг. – представитель России в Венеции и Риме; в 1725–1728 гг. возглавлял посольство России в Китае; участвовал в разработке российско-китайской границы и подписал Буринский договор 1727 г. и Кяхтинский договор 1727 г.

⁴ Марк Иванович (1750–1807)

Члены семьи Мирковичей, миграционные пути которых были схожи с описанными выше, в XVIII в. заняли выдающееся место в политической и экономической жизни г. Херцегнови. Савва Миркович как доброволец воевал под командованием генерала Георгия Долгорукова. В России он занимал многие значительные должности: начальник военной академии, советник адмирала черноморского флота, командующий

Херсонской эскадрой и придворный советник. В 1787 г. он приезжал в Черногорию для переговоров о совместной борьбе против турок. В России оставил свой след и Марко Миркович и графы Вук и Митар⁷.

Братство из Ластвы (район Грбаль, простирающийся от Котора до Будвы) дало много моряков русскому флоту. Иван Иванович Вучетич плавал на русских кораблях и участвовал в военно-морских акциях. Иван Михайлович Вучетич, капитан-лейтенант, морской офицер, вступил в русский флот в 1822 г. как доброволец. Он плавал в Балтийском и Черном морях, в 1837 г. перешел на гражданскую службу. Награжден орденами Св. Анны IV и III степени и Св. Владимира IV степени. Никола Вучетич в 1810 г. пришел в российский морской корпус как кадет и дослужился до чина контр-адмирала, был начальником штаба адмирала Лазарева и командиром II бригады IV дивизии флота. Награжден орденами Св. Станислава II степени, Св. Владимира III степени, Св. Анны II степени, а турецкий султан наградил его золотой саблей. Петр Вучетич был вице-адмиралом российского флота. Вместе с братом Николой в 1810 г. он вступил добровольцем в российский флот, командовал кораблями и фрегатом. Одно время он был начальником Севастопольского порта. Награжден орденами Св. Станислава I и II степени и Св. Анны с мечами. Стефан Вучетич вступил в русский морской корпус в 1816 г. и дослужился до капитан-лейтенанта. Как навигационный офицер плавал вокруг света с 1822 по 1826 г., за эти плавания был награжден орденом Св. Анны III степени. Занимался просветительской работой и преподавал морское дело. Умер в тридцать три года. Платон Петрович Вучетич был на морской службе в России с 1842 по 1878 г. Имел чин генерал-майора, плавал по Черному и Балтийскому морям⁸.

В этот же период в Россию приехали жители поселения Рисан, также расположенного в Которской бухте, – члены семьи Ивелич. Марко, Симеон, Ивеля, Петр и Константин получили генеральские звания российской армии. Их плодотворная военная и дипломатическая деятельность развивалась в период с 1770 по 1840 г.⁹

С 30-х гг. XIX в. моряки и торговцы Боки Которской плавали в Россию и развивали свою деятельность в портах Черного моря и портах Дуная. Наряду с жителями городов Херцегнови и Добрач отправлялись туда и жители пос. Рисан. Около десяти капитанов работали в городах Бердянск и Одесса. К семьям из Рисана принадлежали Джуркович, Попович, Катурич, Любатович и Ковачич¹⁰.

Бурные исторические события, которые охватили Которскую бухту в начале XIX в., привели к ее берегам и российский флот. В начале 1806 г. сюда приплыли российские корабли во главе с адмиралом Дмитрием Николаевичем Сенявиным.

В Историческом архиве г. Херцегнови (Герцег Нови) сохранились документы, относящиеся к периоду российского присутствия в бухте, датируемые 1806–1807 гг. В это время Херцегнови стал центром, из которого велись военные операции против войск Наполеона. Сразу после своего прихода русские приняли необходимые и обширные меры по обновлению укреплений Херцегнови, которые были в очень плохом состоянии. Граф Георгий (Джордже) Войнович, командующий народной армией этого края, вел работу по реконструкции и достройке местного форта.

Население Боки Которской радушно поддержало русскую военную активность, принимая участие в борьбе вместе с черногорскими и российскими военными отрядами, сражавшимися на море и на суше. Пребывание частей русской эскадры в Которской бухте было очень

важно для российских интересов. Русские понимали выгодность природных и геополитических условий этого залива, а Д. Сенявин имел серьезную военную задачу защитить морское побережье от Адриатики к Константинополю и до Севастополя. Для этой задачи он мобилизовал 116 которских парусников¹¹. Надо подчеркнуть, что русские доверили всю гражданскую власть и часть военной местным жителям¹². После семнадцати месяцев российского управления по Тильзитскому миру Бока отошла французам. Сразу после ухода российских войск часть местных моряков на своих кораблях отбыли в Россию, где заняли важные должности и имели высокое положение в военном и государственном управлении страны¹³.

«Морское дело, особенно в период парусного судоходства, способствовало сплачиванию людей, что рождало в них мечтания. И страной их далеких грез была именно Россия. В эту страну наши люди попадали после длительной подготовки. А эта подготовка шла через Триест, и многие наши первопроходцы подготавливали почву для последующих многочисленных и длительных свершений». По словам одного из современников торгово-морской деятельности конца XIX в. Антона Дабиновича, на протяжении всего XIX в. Триест имел настоящего соперника в лице Одессы, не только в экономическом, но и в культурном смысле. «Русские власти были приветливее австрийских, поэтому нашим людям было гораздо лучше в России стать основателями больших торговых морских предприятий, тем более что южная Россия имела больше перспектив развития, чем отсталые земли в окрестностях Триеста»¹⁴.

Моряки и торговцы из Боки Которской на протяжении всего XIX в. уезжали в Россию, более всего в прибрежные области от устья Днестра до Кавказа, лишь единицы достигали северных районов и Москвы. Почти все поселялись в крупных городах черноморского побережья от Одессы до Таганрога, от Мариуполя до Темрюка на Кубани, занимались торговлей зерном на английских рынках. Один из наиболее известных торговых домов в Таганроге принадлежал Петру Лукичу Трипковичу из Доброты, он имел филиалы в Ростове, Бердянске и Мариуполе. В Одессе имела колония выходцев из всех областей Боки Которской и ее окрестностей. Их путь в Одессу пролегал через Константинополь; образование, полученное там, открывало им двери в общественную и культурную жизнь Одессы.

Были и те, кто уехал в Россию по политическим причинам после первого Кривошійского восстания (1869 г.) и Герцеговинского восстания (1875–1878 гг.), не соглашаясь с политикой Турции и Австро-Венгрии¹⁵.

В Историческом архиве г. Херцегнови сохранились документы, которые свидетельствуют о принятии российского гражданства жителями этих краев. Так, в 1872 г. была одобрена смена гражданства с австро-венгерского на российское Андрею Сеферовичу, а в следующем году – Владимиру и Косте Войновичу. В 1874 г. российское гражданство получил Иова Вукасович, в 1877 г. – Драган Црногорчевич, в 1878 г. – Ника Кротов Джукич. Иован Будут получил российское гражданство в 1882 г., а Мария Генриетта Войнович в 1887 г. оформила паспорт для поездки в Россию, где как российский подданный жил ее муж¹⁶.

В этой работе мы старались рассказать о наиболее выдающихся личностях края и охарактеризовать самые интересные сюжеты, свидетельствующие о тесных контактах между жителями Боки Которской и Россией. Адаптивные процессы протекали в двух направлениях в полном согласии сторон. Отдельные миграции, описанные в статье, демонстрируют успехи уроженцев Боки Которской в политической, экономической и культурной жизни России. Они надолго оставили свой след в ее истории.

Сколь бы хорошо эти люди ни устроились в России и как бы радушно ни были приняты в российских торговых и морских кругах, они не прекращали поддерживать тесные связи между собой и с родным краем. Те же, кто вернулся, сохранили незабываемые воспоминания о посещении России, а потомки тех, кто остался там навсегда, ассимилировались, но не забыли о своих корнях.

Примечания

- ¹ *Ковачевић П. В.* Учешће Бокелџа у развоју руске морнарице, 12 вјекова бокелџске морнарице. Београд, 1972. С. 137.
- ² Там же. С. 138.
- ³ Там же. С. 137.
- ⁴ Споменица Матије Змајевића // Зборник Которске секције друштва историчара Црне Горе. 3. Котор, 1985. С. 134–52.
- ⁵ *Радојичић Д.* Крајина новска у судару свјетова. Београд, 1994. С. 185–86.
- ⁶ *Злоковић И.* Адмирал Марко Војновић // Годишњак поморског музеја Котор. Котор, 1955. С. 81–1; *Миљанић Н.* Руски адмирал из Боке // Годишњак поморског музеја Котор. Котор, 1972. С. 123.
- ⁷ *Накиченовић С.* Бока, антропогеографска студија // Населџа српских земаља. Београд, 1913. Књ 9. С. 437.
- ⁸ *Ковачевић П.* Указ. соч. С. 123–29; *Миљанић Н.* Указ. соч. С. 128.
- ⁹ *Злоковић И.* Гласник поморског музеја Котор. Котор, 1953. С. 107.
- ¹⁰ *Злоковић И.* Прилози за историју поморства и трговине Рисна // Годишњак поморског музеја Котор. Котор, 1966. С. 13, 17, 19, 29, 30.
- ¹¹ *Злоковић М.* Херцег Нови од пада млетачке републике до бечког конгреса (1797–815) // Зборник Бока. 4. Херцег Нови, 1972. С. 42–0.
- ¹² Архив Херцег Новог (далее – АХ). Руски период год. 1807. С. 10.
- ¹³ *Злоковић М.* Капетан Јован Пјешивац, сарадник адмирала Макарова // Гласник поморског музеја Котор. XIV. Котор, 1966. С. 109.
- ¹⁴ *Дабиновић А. С.* Доброћани у јужној Русији // Гласник поморског музеја Котор. Котор, 1960. С. 240.
- ¹⁵ Там же. С. 244–246.
- ¹⁶ АХ. Општина Херцег Нови. 1872. С. 122, 356, 611; 1873. С. 280, 356, 366, 420, 727; 1874. С. 314, 462; 1877. С. 401; 1878. С. 113; 1882. С. 433; 1887. С. 134.

Черногорский митрополит Василий Петрович и Россия

Ю. П. Анишаков

Имя Василия Петровича, митрополита и соправителя владыки Саввы, навсегда вошло в историю Черногории и русско-черногорских связей, поскольку именно он заложил прочную основу русско-черногорских взаимоотношений, многое сделал для их развития. Личность многогранная, противоречивая, готовая ради защиты интересов Черногории к рискованным и даже авантюрным действиям – все это в полной мере характеризует Василия Петровича, жившего и правившего в Черногории в один из наиболее сложных и драматических периодов ее истории.

Василий Петрович родился в 1709 г. в Негушах в семье Петровичей, игравшем важную роль в политической и религиозной жизни Черногории. «Фамилия Петровича в Черной Горе из древних времен благородием происходит и как произвел Бог сербскому народу первосвященника Савву Сербского от корене царскаго Симеона Немани, подобнее так черногорцам и протчим окружным христианом Бог произвел фамилию Петровича», – отмечалось в письменном обращении черногорской депутации к русской императрице Елизавете Петровне¹.

Василий Петрович с детства знал генеалогию своего рода, влияние которого в Черногории с избранием митрополитом Данилы Петровича-Негоша (1697–1735) неуклонно возрастало. Предназначенный со временем быть митрополитом, Василий совсем юным оказался в Цетинье, где под присмотром и опекой своего дяди, владыки Данилы, в монастырской школе научился читать и писать. После смерти Данилы в 1735 г. его место на митрополичьем престоле занял Савва, двоюродный брат Василия Петровича, проявивший себя слабым и безвольным политиком. С его приходом к власти «племена опять вскочили одно на другое; кровавая месть заступила место решения судом; всюду начались воровства и грабежи, никто не чувствовал себя безопасным», – писал русский ученый П. А. Ровинский².

Свою внешнеполитическую деятельность Василий Петрович начал в 1740 г. с дипломатической переписки с венецианскими властями г. Котора (венецианское Приморье) в связи с различными проблемами, почти постоянно возникавшими в черногорско-венецианских отношениях. Следует заметить, что 1740 год явился знаковым в истории русско-черногорских отношений. Если ранее в основном священнослужители, получавшие из России «немалые милостыни и подаянии...», были преданы российскому двору», то в 1740 г. к ним примкнули и черногорские старейшины (сердары, воеводы, кнезы), переставшие получать ежегодную плату от венецианских властей. С этого времени «черногорские начальники...», отдаляясь совсем от венецкаго правления, предались все

России», – замечал посетивший позднее Котор со специальной миссией российский эмиссар Г. Мерк³. И хотя через несколько лет Венеция вынуждена была восстановить денежную выплату черногорским старейшинам, черногорско-венецианские отношения от этого заметно не улучшились.

Надо сказать, что обострение отношений с Венецией началось после Пожаревацкого мира (1718 г.), когда после победы Австрии и Венеции над Османской империей Венеции отошли приморские черногорские общины Грбаль, Побори, Маини и Браичи, а Черногория, воевавшая на венецианской стороне, лишилась выхода к Адриатическому морю. Помимо этого сказалось и то обстоятельство, что с этого времени Венеция больше никогда не воевала с Турцией, а это явно не устраивало Черногорию, и у нее появляется дополнительный стимул к развитию черногорско-русских связей. Черногорско-венецианское противостояние достигло апогея в начале 1740-х гг., когда провидуром Котора (глава администрации) стал Марко Кверин, а комендантом порта – Никола Болица. Венецианский сенат нанес чувствительный удар по эко-

номике Черногории, запретив доступ черногорцам на приморские базары, лишив их возможности приобретать необходимые товары, продовольствие и порох. И хотя этот инцидент, как и некоторые другие, был вскоре улажен, напряженность в черногорско-венецианских отношениях сохранялась.

Такая критическая ситуация заставила Василия Петровича, замещавшего уехавшего в Россию Савву, в апреле 1744 г. прибыть в Венецию. Василий Петрович в специальной Записке сенату республики, напоминая о заслугах черногорцев перед Венецией, сумел добиться отрешения от должности ненавистного черногорцам Н. Болицы, а также настоял на открытии для черногорцев рынка в Которе.

Успешная миссия Василия Петровича в Венецию способствовала росту его авторитета и влияния на значительную часть черногорского общества. По возвращении из России Савва, ревнуя Василия Петровича к его возросшему влиянию, предпринял энергичные меры для его нейтрализации. Савва, именуя Василия Петровича интриганом, всячески старался продемонстрировать венецианским властям свои симпатии к республике. Он утверждал, что Н. Болица оклеветан, заявлял о приверженности черногорцев Венеции и пр.⁴ В результате интриг митрополита Саввы Черногория оказалась поделена на две партии: одна ратовала за старого владыку, «знаменем» другой стал Василий Петрович. Дело дошло до того, что амбициозный Василий Петрович, бывший тогда еще архимандритом, в 1745 г. представлял себя перед венецианскими властями черногорским владыкой⁵, хотя в то время являлся помощником митрополита Саввы, замещавшим его лишь на время отсутствия в Черногории. Безусловно, разъединение Василия Петровича и Саввы являлось злом для Черногории, но было на руку Венеции. И хотя острота конфликта между двумя родственниками и высшими церковными иерархами Черногории со временем притупилась, неприязнь между ними сохранялась до самой смерти Василия Петровича.

Если во взаимоотношениях Черногории и Венеции, несмотря на все расхождения, дело все же не доходило до постоянных вооруженных столкновений, то совершенно иначе складывалась ситуация на границах с османскими владениями. Здесь жесткое военное противостояние было нормой для черногорцев. Жизнь складывалась по формуле: «или черногорцев режут, или черногорцы режут». В письме от 15(26) июля 1743 г. к российскому резиденту в Константинополе А. А. Вешнякову Василий Петрович сообщал, что против Черногории ополчилась вся Босния, ближайшая Герцеговина, Шкодра (Северная Албания), Бар и Ульцин (турецкое Приморье), Призрен и Джаковица (Косово), которые с «нашими никогда не хотят мира иметь»⁶.

Надо сказать, что с начала 40-х гг. XVIII в. черногорское руководство поддерживало контакты с А. А. Вешняковым, которые выражались в сравнительно редкой переписке митрополита Саввы, Василия Петровича, черногорских старейшин с российским дипломатом. Внешняя политика Саввы в значительной мере была ориентирована на Венецию, а это не устраивало Василия Петровича, недовольного провенецианскими симпатиями митрополита и все более склонявшегося к опоре Черногории на Россию.

В феврале 1746 г. Василий Петрович направляет письмо канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину, где он впервые излагает российскому руководству основу своей концепции. Согласно ей Черногория является независимой страной, которая «ни от турков, ни от латин стоит необладема»⁷. Помимо этого он убеждал российского канцлера, что если бы «в Черной Горы произошла школа философии, филологии и ретории, то вси римска церкве сынове приступили би к православию». Утверждал, что суть разума черногорского такова, что способна превзойти «и философа римскаго». Учитывая, что тогда почти все население Черногории было вообще неграмотным, выдвигать такие идеи мог только человек с большой фантазией. Справедливости ради стоит заметить, что в дальнейшем Василий Петрович станет более трезво оценивать положение дел в области образования черногорского народа и предлагать реальные

меры к его совершенствованию. В конце письма Василий Петрович просил Бестужева-Рюмина об оказании содействия в издании написанной им «Истории о Черной Горы». И российский канцлер не забудет его просьбу.

В августе 1750 г. в Белграде Василий Петрович был рукоположен в сан митрополита печским патриархом Афанасием II. Его церковный статус вырос, а также возросло влияние в Черногории, где многие были недовольны слабой и пассивной политикой Саввы. В 1751 г. Василий

Петрович отправился в Вену, где, помимо прочего, направил императрице Марии-Терезии обширный меморандум. В нем он обосновывал тезис о многовековой независимости Черногории, этой «чистой девицы, одной особой республики» под управлением митрополитов из рода Петровичей. Василий Петрович просил венский двор взять под свое покровительство Черногорию и предлагал заключить союз между Австрией и Черногорией ради освобождения балканских земель из-под власти Турции⁸. В Вене в то время мало что знали о Черногории, но Василий Петрович был известен как человек непредсказуемый, склонный к вымыслам. Поэтому его предложения были оставлены без внимания. Кроме прочего, Василий Петрович весьма слабо разбирался в большой европейской политике, иначе он бы знал, что в то время политика Австрии не предполагала каких-либо аннексионных планов на Балканах. Убедившись в бесперспективности надежд заинтересовать венский двор Черногорией, Василий Петрович полностью переориентировался на Россию, где он с большим успехом будет стараться воплотить в жизнь те идеи, какие оказались неприемлемыми для Австрийской империи.

В 1751 г. российским посланником в Константинополе стал выдающийся дипломат А. М. Обресков. Приступив к исполнению служебных обязанностей, Обресков практически сразу же столкнулся с проблемами, которые волновали и которые хотело решить черногорское руководство. Со стороны черногорских старейшин к нему шли просьбы защитить Черногорию от нападений соседних османских пашей. В свою очередь у митрополита Саввы были свои проблемы: он просил Обрескова ходатайствовать перед Портой о возвращении захваченных турками после Прутского похода Петра I церковных земель. По словам Саввы, турки объясняли захват тем, что «султан дал им эти земли в наказание черногорцам за их верность русскому двору». В ответном письме Обресков заверял владыку, что имеет повеление императрицы стараться защитить интересы единоверцев перед Портой, но «только теперь надобно потерпеть»⁹. Однако долго терпеть черногорское руководство не захотело, и в мае 1752 г. митрополит Савва письменно известил канцлера Бестужева-Рюмина о решении направить в Россию Василия Петровича «для исправления поверенных ему дел»¹⁰.

В Петербург Василий Петрович прибыл в середине сентября 1752 г. Цель его первого визита заключалась в получении материальной помощи и политической поддержки со стороны России. Практически сразу митрополит направил Синоду письмо с просьбой о ликвидации задолженности по субсидии Цетиньскому монастырю с 1743 по 1752 г. (по 500 рублей через два года на третий), а также просил снабдить церковными книгами, выдать 100 букварей и 10 «Историй Александра Македонского»¹¹. Желание митрополита получить книги о великом полководце Древней Греции, вероятно, связано с тем, что еще в упоминавшемся меморандуме на имя Марии-Терезии Василий Петрович вел отчет черногорской истории именно со времени Александра Македонского, что, конечно, не соответствовало истине. Забегая вперед, заметим, что эти книги он так и не получил.

Следует сказать, что одной из важнейших своих жизненных задач митрополит Василий Петрович считал просвещение черногорского народа. Как уже отмечалось, черногорцы, в подавляющем большинстве, были неграмотны; таких людей было немало и среди руководящего слоя страны. Даже самое примитивное начальное образование было плохо организовано. Обычно родители обучали детей грамоте только в том случае, если желали видеть их в даль-

нейшем священниками. В таком случае они посылали своих сыновей в качестве причетников в монастырь, где их обучали азам грамоты и счета, изредка учили писать. О качестве обучения говорить не приходится, поскольку подавляющее большинство монахов и священников, кроме высших церковных иерархов, сами были людьми малограмотными. Понимая, что создание более совершенных органов управления и суда, в чем так нуждалась Черногория, требует людей образованных, Василий Петрович в своем обращении в июле 1752 г. к русской императрице просил о помощи в устройстве славянских малых школ в Черногории, по окончании которых он намеревался направлять учеников для продолжения образования в Россию¹².

В Москве, куда Василий Петрович переехал из Петербурга в январе 1753 г., он развернул активную деятельность: установил связи с видными политическими деятелями, писал многочисленные письма в Синод, Коллегию иностранных дел, русским сановникам, желая заинтересовать церковные круги и российское руководство проблемами Черногории и ее народа. В феврале 1753 г. Василий Петрович обратился в Коллегию иностранных дел, где он излагал историю черногорско-турецкого военного противостояния с 1712 по 1739 г., а затем послал туда «Краткое географическое описание Черногории». При этом Василий Петрович включал в состав черногорских земель не только собственно Черногорию с ее четырьмя нахиями (областями), но и часть территории Приморья, Герцеговины, все брдские племена, а также североалбанских католиков (Хоти, Клименти, Кастрати)¹³. Делал он это вполне преднамеренно, поскольку понимал, что раздираемая внутренней анархией, маленькая, оторванная от моря Черногория не способна вызвать сколько-нибудь значительный интерес у русского двора.

Находясь в России, Василий Петрович действовал как политический деятель, упорно настаивая, что Черногория никому не подчинена, достаточно обширна и могущественна, способна объединить балканские народы и стать центром освободительной борьбы от османского ига. Преследуя эти цели, он в апреле 1753 г. направил письмо канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину, где вновь утверждал, что его страна никогда не была завоевана Турцией, а всегда оставалась республикой во главе с митрополитом. Он также предлагал установить протекторат России над Черногорией и заверял канцлера, что в случае русско-турецкой войны «все окрестные славяно-сербские народы присовокупились и отдали б себя под протекцию всероссийскую»¹⁴.

Заслугой Василия Петровича является и то, что он являлся первым черногорским историком. Мысли, высказанные им в обращениях к российскому руководству, нашли развитие в изданной в 1754 г. в типографии Петербургской академии наук книге Василия Петровича «История о Черной Горы» (при содействии канцлера А. П. Бестужева-Рюмина). В ней он высказывал суждения о славянской общности, о создании в Юго-Восточной Европе обширного славянского государства, прототипом которого должна была стать средневековая сербская держава в период ее расцвета. Впоследствии его идеи нашли продолжателей среди сербских государственных и общественных деятелей. Вместе с тем, книга содержит неточности, преувеличивает роль Черногории (которая представлена автором как большое и мощное государство) в антитурецкой борьбе. В ней превозносится роль самого владыки и его семейства. Книга Василия Петровича довольно успешно расходилась на российском рынке. Так, например, в Московской книжной лавке (с 1749 по 1763 г.) не осталось ни одного из 100 экземпляров, продававшихся по цене 12 копеек¹⁵, что было хорошим показателем по тем временам.

Василий Петрович значительно преуспел в решении задач своей миссии. Издание книги «История о Черной Горы», общение митрополита с русскими государственными деятелями способствовали формированию у правительства и просвещенной российской общественности представления о Черногории как о неподвластном Порте государстве. В Москве черногорский владыка наряду с решением политических проблем занимался и делами религиозными. В частности, в марте 1754 г. он отслужил литургию в придворной церкви в присутствии императрицы

Елизаветы Петровны и высших российских церковных иерархов. Эту «церемонию преосвященный Василие со умилением порядочно чинил, что ея величеству и синклиту и всем приятно явилось»¹⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.